

НАША СТРАНА

Год издания 71-й. Буэнос Айрес, 2 февраля 2019

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 2 de febrero de 2019 No 3095

ПО СЛУЧАЮ 70-ЛЕТИЮ ГАЗЕТЫ

О НЕКОТОРЫХ СОТРУДНИКАХ «НАШЕЙ СТРАНЫ»

**А. Д. АЛПАТОВ И
А. Ф. КЛЮШКИН**

Как во всяком человеческом сообществе, среди сотрудников «Нашей Страны» всегда возникали шероховатости, разногласия и недопонимания, часто впрочем вызванные элементарным, примитивным чувством ревности.

И редакторам, сперва В. К. Дубровскому (Левашову), а потом и мне, приходилось сглаживать острые углы и восстанавливать справедливость. Так например, Всеволод Константинович был вынужден заступиться за представителя «Нашей Страны» в Канаде и тамошнего секретаря Российского Народно-Монархического Движения А. Д. Алпатова, на которого ополчился сотрудник газеты Алексей Ростов-Гротов (настоящее имя – Сергей Викторович Сигрист, правовед).

А. Д. Алпатов

Пятого марта 1962 года Всеволод Константинович Дубровский писал Алексею Ростову:

«Зря нападаете Вы на Алпатова. Он болен и руководит Канадским отделом РНМД едва ли не из последних сил. Но заместить его – никто не соглашается. Пользуется он исключительным уважением и авторитетом. У него повидимому астма в тяжелой форме. Надо уважать его так, как уважают его в Монреале и преклоняться перед ним за то, что он, будучи больным, не бросает своего поста».

Атаковал неумемный Алексей Ростов и старейшего представителя газет Солоневича в Калифорнии, (начиная ещё с довоенного времени, когда в Софии издавался "Голос России"), Александра Фёдоровича Ключкина. Вот, что ответил ему тогда же Дубровский:

«Ключкин уже 26 лет делает для Движения всё, что может, и за 26 лет он никогда не взял ни одного цента комиссионных от продажи газеты и книг. И много раз давал деньги на их издание, – и во времена Ивана Лукьяновича, и теперь».

**ВЛАДЫКА НИКОН И
НИКОЛАЙ КУСАКОВ**

Отказываясь печатать иные статьи, порою приходилось просторно объяснять сотрудникам причины такого решения. Так случилось, например, когда Архиепископ Вашингтонско-Флоридский Никон (Рклицкий) прислал рецензию на книжицу представителя второй эмиграции Н. Кусакова (Николая Павловича Чурилова, ведшего в «Нашей Стране» рубрику «По следам газетных строк», в силу чего наборщик типографии «Доррего» Константин Енджеевский прозвал его «Следопытом»).

Восьмого июля 1969 года (50 лет назад!) я составил письмо, в котором указывал Владыке, что опус этот испещрен нападками не только на духовенство в Аргентине вообще, но и на правящего Архиепископа Афанасия (Мартоса) в частности.

Так, Кусаков писал: «Паства наша состоит из Белых воинов, в то время как среди клира нередко встречаются пастыри ни пороку не нюхавшие, ни живого большевика не видевшие». Весьма любопытны подобные воинственные высказывания со стороны не Белого воина и человека, о котором Ростов-Сигрист рассказывал следующее.

Во время одного из авиационных налётов союзников на Берлин, Кусаков с супругой скрылись в бомбоубежище, но в спешке забыли забрать с собой драгоценности. «Ты пойдёшь за ними в квартиру», – попросил Кусаков жену во время бомбёжки, – «а я буду молиться, чтобы с Тобой ничего не случилось».

В заключении своего опуса Кусаков безапелляционно утверждал, что подвига святости в теперешнем нашем духовенстве нет и что его надо искать днём с фонарем, как это делал Диоген.

Вот, что я тогда написал Владыке Никону: «Непонятно, как Н. Кусаков, будучи церковным человеком, не рассмотрел подвига нашего зарубежного клира здесь, в Аргентине. Для этого не нужно никаких фонарей. Надо только непредвзято посмотреть вокруг себя. Мне кажется, что автор брошюры незаслуженно и некрасиво обрушивается на духовенство. Я могу привести несколько наглядных примеров настоящего подвига служения Церкви нашего духовенства. Начну с молодых. Считаю, что о. Владимир Шленев принял на себя сан священства отнюдь не из тщеславия как намекает Кусаков, да и после долгих лет подготовки. Теперь он, чтобы содержать семью должен очень много работать, он воспитывает сыновей в церковном послушании и вообще ему очень нелегко, так как паства у него многочисленная и разнообразная – как по своим политическим, так и по общественным взглядам. Быть священником в эмигрант

ских условиях это уже само по себе подвиг. Тем более в молодом возрасте. Вспоминаю например о. Александра Милеанта, прозрачного от недоедания. Или покойного отца Никодима (Угодского) тяжело больного и престарелого, но служившего требы до последней минуты. О. Тимофей Соин и о. Михаил Донецкий – оба в очень преклонном возрасте, им за 90 лет, всё-таки продолжают свой подвиг, зная как нахватает священников в эмиграции. О. Сергей Иванов, настоятель храма в Темперлее, работает архитектором, чтобы содержать многочисленную, как у о. Владимира Шленева, семью, спит по четыре часа в сутки и не пропускает ни одного богослужения, не отказывается ни от одной требы, – в ущерб своему здоровью и минимальному отдыху. Отца Афанасия Бетина на железнодорожной станции Конституион окружила толпа гольтыбы, стала щипать его за бороду, издевалась и плевала на него. Разве это не подвиг? Следовало бы брошюру Кусакова разгромить, но принимая во внимание, что он является сотрудником «Нашей Страны» мы лишь обойдём её молчанием. Я очень надеюсь, многоуважаемый Владыка, что это решение ни в какой степени не повлияет на Ваше благосклонное отношение к нашей газете». Не повлияло, Владыка Никон не перестал поддерживать «Нашу Страну».

Н. Кусаков (Чурилов)

Н. Кусаков был довольно плодовитым автором, но стиль его писаний был скорее тяжеловесным. Отметим тем не менее, что в конце пятидесятых годов Всеволод Константинович Дубровский выпустил в издательстве «Наша Страна» его книгу «Всюду жизнь».

Надо сказать, что Николай Павлович очень стремился стать священником, но ему этого никогда

не разрешили, поскольку он был женат вторым браком. Быть может отсюда и проистекала его неприязнь к правящему архиерею Владыке Афанасию (Мартосу), подлинному, строгому монаху и к духовенству аргентинской епархии вообще?

Разумеется, разногласия и недоуменности происходили не только среди сотрудников «Нашей Страны» – это было лишь отражением того, что происходило в масштабе всей русской политической эмиграции.

И доходило до абсурда. Возьмём такой случай. Пятнадцатого марта 1971 года из Италии прилетел в Манхеттен Ростов-Гротов-Сигрист для дачи показания суду, рассматривающему спор между двумя группами прихожан храма во имя Казанской иконы Божьей Матери в Си Клиффе, под Нью Йорком – большинством, перешедшем в Зарубежную Церковь, и меньшинством, примкнувшим к автокефальной американской Церкви. Первая из этих групп вызвала его, как эксперта – знатока положения Церкви в России. Судебные выдержки к тому моменту уже обошлись этой группе в приблизительно 80 тысяч долларов. На эти деньги, в те времена, можно было построить другой храм.

**ДОКТОР АЛЕКСЕЙ
КОТЛЯРОВ**

И в заключение. Тот же неугомонный Алексей Ростов критиковал и доктора Алексея Николаевича Котлярова, писавшего в «Нашей Стране» как «Д-р. А. К.», за то, что он де не влиял на нью-йоркское Исполнительное Бюро Общероссийского Монархического Фронта. Дубровский ему отвечал в упомянутом письме:

«Он в Исполнительное Бюро не входит и также не является нашим представителем в нём. Котляров лишь человек имеющий возможность знать и видеть то, что происходит на Ньюиоркском Олимпе и информации которого я доверяю».

Судьба этого сотрудника «Нашей Страны» весьма интересна и показательна; стоит на ней немного остановиться.

Десятого октября 1958 года он писал Дубровскому. «Все эти семь лет в Бразилии я прожил неким отшельником. Здесь вот в Гарсе я уже три года – ни рыбы не ловлю, ни охочусь. Поневоле иногда взвоешь белугой и отхватишь какое-нибудь карамазовское коленце. Карамазовы у меня не идут из головы все три брата – это три России. Я во всяком случае, присутствие всех их трёх в себе ощущаю. Юношеский энтузиазм и «задор деревенского озорника» о котором пишет С. Есенин – во мне уже давно прошёл, и рыбу я люблю довить уже не по аксаковски – поплёвывая на червяка – а строго «по-научному». То есть чтобы налицо

были необходимые элементы, как то – соответствующая снасть, правильно выбранное место и время, и соответствующее состояние воды. Академизм в рыбной ловле неизбежен. Всё дело в сноровке – кто во что горазд. Я когда-то ловил форелей в верховьях Савы. Там я часто видел ловащим рыбу нашего тогда молодого наследника, теперешнего короля Петра Второго Югославского в изгнании».

За антикоммунистическую деятельность в Югославии он после войны поплатился: отсидел более трех лет. Котляров рассказывал:

«Более всего страшен период предварительного следствия. И если я остался в живых, то только по технической ошибке партизанского офицера: я сидел в камере смертников (которых должны были расстрелять той же ночью) и он, самочинно, по моей просьбе – перевёл меня в соседнюю камеру, в которой я слышал русскую речь. Там сидели советские и эмигранты вперемежку, их забрала к себе на следствии в тот же вечер советская контр-разведка (СМЕРШ) и всех перевела уже в свою тюрьму. Это меня и спасло, потому что камеру, из которой меня пересадил партизан, в ту же ночь расстреляли. Партизаны не разбирались в русских делах, и не зная что делать с попавшими к ним случайно нашим братом – просто расстреливали. Там я увидел Бога и Царя. Я далёк от мысли требовать от современных советских масс какой-то ясности в их политическом мышлении, но даже из моих скромных наблюдений, я пришёл к заключению, что идея Царя из русских людей неискоренима, уже не говоря о Боге. Сидел же я там со всевозможным российским подневольным людом, начиная от простых солдат и кончая генералами со звездочкой «героя». И при таких условиях, советские люди разговаривают охотнее и откровеннее с эмигрантами, нежели со своими, от которых они ждут предательства и доноса, тем более, что в камере сидят подосланные провокаторы и всевозможные выслуживающиеся доносчики. Это было моей политической школой и началом моей сознательной политической жизни».

Выйдя на свободу, ему удалось перебраться сперва в Триесте, Италия, а затем оттуда в Бразилию. В Бразилии д-р Котляров жил в общем на привилегированных условиях, при минимальной занятости по службе. Но был недоволен своей судьбой. «Я бы конечно предпочёл бросить всё и жить, - хоть и впроголодь, - но вольным «художником» и полностью заняться только научной и политической работой. Я не верю в возможность для меня осесть где бы то ни было: скитальчество вошло мне в кровь и нигде меня не покидает ощущение бренности и временности меня окружающего».

В те времена в Русском Зарубежье выходило множество газет и журналов. Недостатка печатного материала в белой эмиграции не было, скорее был излишек. Тогда ещё епископ, Владыка Аверкий (Таушев) писал в 1958 году в журнале «Православная Русь», что в нашей политической и прочей деятельности «многословие и многописание». И не всё было высшего качества. Как говорил Ключевский: «Лёгкое дело – тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить – тяжелое дело».

Конечно, в условиях Зарубежья

печатное дело было трудно и в высшей степени неблагоприятно. Котляров горько жаловался на «тепло-прохладное отношение к нашей печати нашей серединной публики. Подчас просто халатного. Многие наши заведомые монархисты просто не находят нужным выписать монархическую газету. Мало кто отдаёт себе отчет, с каким трудом и подчас жертвами связана эта работа. В конечном итоге всё держится на личностях. И не будь этих личностей – не было бы ничего. Так и покойный проф. Иван Ильин считал, что Зарубежье, как политическая масса – миф; есть отдельные личности, и эти личности и есть Зарубежье. Францию сейчас спасает человек-личность, а не политика. Голосовали не за конституцию, а за личность. Личность же – начало монархическое. Де Голль, в своём письме к графу Парижскому недавно говорил: Вы нужны Франции».

Недовольство своею, всё-таки устроенной, жизнью всё чаще и чаще приводило Котлярова к мысли о переезде в США, хотя он и сознавал с какими трудностями сие было бы связано. «Я боюсь попасть в эту мясорубку в моём очень уже немолодом возрасте. Здесь я пользуюсь каким-то элементарнейшим уважением, и хотя я формально перед лицом закона и лишён профессиональных и прочих прав, фактически тем не менее этими правами я пользуюсь и работаю по специальности. Конечно, я зарабатываю мало – около 400 долларов в месяц (30.000 крузейрос). Меня интересуют духовные предпосылки жизни в США, о том что я устроюсь материально я не беспокоюсь, боюсь лишь, что мне придётся много работать, здесь же я занят три часа в день и живу точно против больницы».

К тому же, его пленила красочность Бразилии: «Прекрасный пол здесь – нечто неопишное. У здешних женщин есть какая-то изюминка, как у Грушеньки в «Братьях Карамазовых», даже в изгибе мизинца. Под лучами здешнего тропического солнца вырастают поистине яркие цветы – и это рядовое явление. Здешняя женщина – воплощения изящества и ярких красок. И при этом – они только женщины и никакой другой профессии не знают. Деторождение – астрономическое, десять человек детей в доме – нормальное явление, просто поражаешься откуда в такой миниатюрности такие производительные силы. В 33 года нормально они уже бабушки, сохраняя при этом весь шарм женственности. Сознаюсь откровенно, что не на одну здешнюю «бабушку» я довольно внимательно заглядывался. Латинская женщина вообще котируется очень высоко. Американцы, побывавшие в Италии женились много на итальянках – они верные жёны и при этом весьма красивые, хорошие матери и любят плодить детей. И, что очень важно, не в пример американкам – хорошие хозяйки и вкусно готовят. Всё это приблизительно соответствует четырём К – «Кирхе, Кайзер, Кюхе унд Киндер».

Тем не менее, Алексей Николаевич Котляров не удержался в благословенной Бразилии, сорвался и в 1960 году понёсся в США – себе на голову. Оттуда, из Пойнт Плэзент, штат Нью Джерси, его письмо В. К. Дубровскому были исполнены всё нарастающим унынием.

Увы, ошибка была непоправимой.

Николай Казанцев

ПОЗОР ФЕВРАЛЯ

*Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьяненная блудница,
Не знала, кто берёт её...*

Не только столица. Сама Россия не знала в 1917 году. А брали её демоны, те самые предсказанные Достоевским. Да и не только в переносном смысле.

В ранних воспоминаниях Софии Мансветовой Ленин изображается как добрый дядя, заботливо относившийся к детям. Разочарование властью большевиков, во главе с Лениным, наступит позже, когда от неё придётся бежать, спасая свою жизнь.

Но тогда, в далекой ссылке в Минусинске девочка Соня не только часто бывала у Ульяновых, но и служила извергу переводчицей, так как бойко болтала по татарски. Оказывается Ленин проявлял большой интерес к шаманизму и, по её словам, серьезно занимался его изучением. Вместе с Соней он присутствовал на шаманских «мистериях». Однажды он настоял на том, чтобы отправиться с ней в становище великого шамана Минусинских татар. Ульянову хотелось увидеть его «камланье» и услышать относящиеся к себе пророчества шамана.

Как известно, Маркс в юности написал оду сатане. Однако и в либеральном лагере тоже, иные враги монархии кокетничали с отцом лжи, как например писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский, вплотную экспериментировавший с темой демонизма.

Вспоминать это противно, становится душно от февральского угара, но знать надо. После Февральского переворота, в середине марта 1917 года, петроградское «Религиозно-философское общество» Зинаиды Гиппиус и Д. Мережковского сочло, что епископы недостаточно энергично отмежевались от монархии, и пожаловалось Временному Правительству:

«Необходимо издать для раскрепощения народной совести, и предотвращения возможности реставрации соответствующий акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства царского миропомазания».

Берёт оторопь. Народную совесть раскрепостили так, что потом пришлось бежать куда глаза глядят.

Поражает лицемерие многих тогдашних «печальников о земли русской». Взять, например, Льва Толстого. Он шёл против Церкви, против правительства, против Русских Царей, но против так называемого «освободительного», революционного лагеря он не шёл никогда. Это было бы простительно, если бы он искренне не понимал, что это такое. Но ведь нет, понимал. И в частных записях пророчествовал не в бровь, а глаз: «К власти придут болтуны-адвокаты и пропившиеся помещики,

а после них – Мараты и Робеспьера». Поразительная точность: февраль-октябрь 1917 года. Но для публики он писал «Воскресенье» и «Не могу молчать».

Террористы, революционное поле как таковое, захватило не только интеллигенцию, но даже и епископат. «Россия слиняла в три дня», написал Розанов, - но до этого готовилась линька полвека. А консервативные силы пошли на поводу у левой мрази клеветы на Царя и Царицу.

Мы то по наивности думали, что епископы, изо дня в день, из года в год, искренне молились за Государя как за Помазанника Божья. А большинство епископов, оказывается за пазухой держали камень. И почти все были недоброжелателями трона и симпатизирующими «демократии».

Как резюмировал епископ Ефрем (Кузнецов) в январе 1918 года (в том же году и замучен большевиками), «духовная эпидемия поразила наше духовенство не в меньшей степени, чем мирскую интеллигенцию». (См. книгу М. А. Бабкина «Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году», Москва 2008).

Запись в дневнике Царя-Мученика Николая Второго «Кругом измена, трусость и обман», от 2-го марта - великое по ёмкости и точности определение Февраля (да и в любой революции вообще). А ещё говорят, что Государь не понимал обстановки...

Временное Правительство составилось из масонско-либерального сброда. Синод же, (то есть собрание отборных российских епископов) повелел молиться о нём так (март 17-го): «Не презри, благая Богородица молитв наших... Спаси Благоверное Временное Правительство Наше, ему же повелела еси правити». То есть Синод фактически провозгласил тезис о божественном происхождении власти масонского Временного Правительства». Надо же до такого додуматься!

А потом пошло, пошло красное изуверство по всему миру,

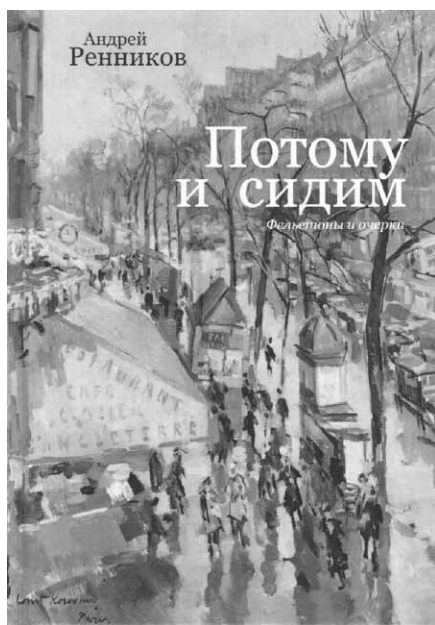
Вот одна картинка. Выполняя волю коммуниста Мао, его несметные фанаты поднимали трещотками в воздух воробьёв и не умолкали, не давая им садиться, пока те не падали на землю мёртвым дождем. Сегодня в Китае не видно птиц вообще...

П. Савельев

**Узел "Нашей
Страны"
на интернете
www.
nashastrana.net**

Жизнь русской эмиграции в фельетонах и очерках Андрея Ренникова

От Редакции: Вновь Андрей Власенко и Михаил Талалай радуют людей русских, в отечестве и рассеянии сущих, новым для России и хорошо знакомым для старой эмиграции именем. На этот раз это — Андрей Митрофанович Ренников, журналист Суворинского «Нового Времени» и известный писатель, драматург и журналист русской эмиграции. Мы предлагаем нашему читателю отрывок из предисловия составителей к сборнику А. М. Ренникова «Потому и сидим», вышедшему в 2018 году в издательстве «Алетейя», а также помещаем в этом номере «Нашей Страны» один из очерков, вошедших в книгу, впервые напечатанный почти сто лет назад, который, как нам кажется, будет интересен современному читателю.

Андрей Митрофанович Ренников (настоящая фамилия Селитренников) родился 14 ноября по старому стилю 1882 года в Кутаиси в семье присяжного поверенного. Детство провёл в Тифлисе, там же учился в Первой классической гимназии, занимался музыкой, и даже участвовал в гимназическом симфоническом оркестре в качестве одной из первых скрипок. После гимназии поступил в Новороссийский университет (Одесса), где окончил физико-математический и историко-филологический факультеты, получив золотую медаль за сочинение «Система философии В. Вундта». Был оставлен при университете на кафедре философии. Совмещал преподавательскую деятельность с журналистической в газете «Одесский листок».

В 1912 году будущий писатель переехал в Петербург, где стал сотрудником и редактором отдела «Внутренние новости» газеты «Новое Время», издаваемой А. С. Сувориным, а позднее его сыном — М. А. Сувориным. Под вновь избранным псевдонимом «Ренников» регулярно печатал в газете рассказы и очерки, а также так называемые «маленькие фельетоны» (в этой рубрике публиковались многие известные авторы, например, В. В. Розанов). Одновременно работал главным редактором еженедельного литературно-художественного и сатирического журнала «Лукоморье» (СПб., 1914-1916), издателем которого также являлся М. А. Суворин.

С 1912 года стали выходить одна за другой крупные публикации

Ренникова: сатирические романы «Сеятели вечного», «Тихая заводь» и «Разденься, человек»; очерки «Самостийные украинцы», «Золото Рейна» и «В стране чудес: правда о прибалтийских немцах»; сборники рассказов «Лунная дорога» и «Спириты».

Автор быстро стал известен всей читающей России, но поскольку он работал в газете «Новое время», отличавшейся правыми взглядами, его замалчивала либеральная пресса, как в предреволюционной России, так и впоследствии за рубежом.

Февральскую революцию и позднее захват власти большевиками Ренников воспринял как трагедию, и уехал из Петербурга. В годы Гражданской войны вместе с группой сотрудников газеты «Новое время» работал в Ростовена-Дону редактором газеты «Заря России», которая поддерживала Добровольческую армию. Был сотрудником Отдела пропаганды при правительстве Вооруженных Сил Юга России (ОСВАГ). В марте 1920 года он выехал из Новороссии через Варну в Белград, где одно время работал секретарём русского уполномоченного при Югославском правительстве С. Н. Палеолога, а затем помогал М. А. Суворину в организации и издании газеты «Новое время», которая выходила в 1921-1926 гг. Позднее, Ренников описал события того периода в обстоятельном очерке «Первые годы в эмиграции».

В 1922 году вышла первая пьеса Ренникова, «Тамо далеко», посвященная жизни русских эмигрантов в Белграде. В 1925 году в Софии были изданы пьеса «Галлиполи» и комедия «Беженцы всех стран». Пьеса «Борис и Глеб» увидела свет в 1934 году в Харбине.

Его драмы пользовались успехом и ставились на сценах русских театров в Сербии, Болгарии, Франции, Германии, Швейцарии, Финляндии, Китае, США и Австралии. В эти годы он печатался также в газетах «Вечернее время», «Галлиполи», «Заря» и др.

Одновременно Ренников писал много прозы. В Белграде вышли фантастический роман «Диктатор мира» (1925), а также первые два романа трилогии о жизни русских эмигрантов, объединенные общими персонажами: «Души живые» (1925) и «За тридевять земель» (1926).

В 1926 году писатель переехал в Париж, став постоянным сотрудником газеты «Возрождение», где по 1940 г. регулярно выступал в рубрике «Маленький фельетон», печатал рассказы и очерки о жизни русских эмигрантов, отрывки из новых произведений. Печатался также в парижской газете «Русский Инвалид».

В 1929 году в Париже вышел сборник рассказов «Незванные варяги», в 1930 — завершающий роман трилогии о русских беженцах «Жизнь играет», а в 1931 — сборник пьес «Комедии». В 1937 году появился детективный роман «Зеленые дьяволы».

Во время Второй Мировой войны и после неё Андрей Митрофанович жил на юге Франции, в Ницце, печатался в газете «Парижский Вестник» и в журнале «Возрождение» (Париж).

Кроме того, он сотрудничал в газетах «Россия» (Нью-Йорк),

«Русская Мысль» (Париж) и в журнале «Православная Русь» (Джорданвилль, США).

В 1952 году вышел новый роман «Кавказская рапсодия».

Митрополит Анастасий (Грибановский), первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви, в переписке с А. М. Ренниковым утверждал, что в его произведениях находит много созвучного своим собственным мыслям:

«Я, к сожалению, не знаком до сих пор с Вами лично, но часто беседую с Вами через Ваши печатные произведения, в которых нахожу много созвучного моим собственным мыслям. Это и внушило мне решимость послать Вам сборник моих произведений, издание которого приурочено к недавнему 50-летию юбилею моего служения в священном сане. Мне хотелось бы думать, что Вы в свою очередь найдёте в нем, особенно в «Беседах с собственным сердцем» нечто сходное Вашим собственным думам и настроениям. Теперь, когда всюду дышит дух вражды и разделения, мы особенно близко чувствуем тех, кто единомышленны с нами. Мне давно известно также, что Вы являетесь убеждённым сторонником Соборной Церкви, считая ее носителем истинного православного мировоззрения и канонической правды. Это, конечно, должно еще теснее соединить нас духовно с Вами. Призывая на Вас благословенные Всевышнего, с глубоким почтением остаюсь Вашим усердным доброжелателем.»

Сам же А. М. Ренников, когда его попросили сообщить для юбилейной статьи о «Возрождении» краткие автобиографические сведения, прислал очередной «маленький фельетон», на этот раз о себе самом: «Своим предложением сообщить Вам кое-какие данные о моей прошлой деятельности Вы ставите меня в очень затруднительное положение. Прежде всего, я не уверен, была ли у меня вообще какая-нибудь деятельность. Во всяком случае я ясно помню, что в Петербурге, когда я работал в «Новом Времени», служившая у нас горничная — на вопрос любопытных соседей по дому: — «чем ваш барин занимается», — твёрдо ответила: — «Наш барин ничем не занимается. Он только пишет».

Ну, вот. А затем должен сказать, что я никогда в жизни не писал ни мемуаров, ни «Исповедей», а потому не имею никакого опыта для того, чтобы «Исповедь» вышла

искренней. Мне, например, страшно трудно путем самоуничтожения возвысить свою личность, как это мастерски делал Л. Толстой; или обрисовать блеск своих талантов, не хваля себя, а понося за бездарность других, как это делают в своих воспоминаниях некоторые наши бывшие министры или академики.

Скажу о себе кратко только следующее: что я считаю себя в выборе всех профессий, за которые брался, полным неудачником, каковым остаюсь и до последнего времени.

В самом деле. В раннем детстве мечтал я сделаться великим музыкантом, для чего усиленно играл на скрипке и занимался теорией музыки. Но из меня в этой области не вышло ничего, так как я не последовал русской музыкальной традиции: не поступил во флот, как это догадался сделать в свое время Н. А. Римский-Корсаков, не занялся химией, как А. П. Бородин, и не стал профессором фортификации, как Цезарь Кюи. Бросив музыку, я решил писать детские сказки, на подобие «Кота Мурлыки». Писал их с любовью, со вдохновением. Но из сказок тоже не вышло ничего: автор «Кота Мурлыки» Н. П. Вагнер был профессором зоологии и открыл педогенезис, а я зоологией не занимался и педогенезиса не открыл.

Тогда, смекнув в чем дело, решил я взять быка за рога: намереваясь вместо сказок приняться за серьёзную изящную литературу, стал я увлекаться математикой и астрономией, вполне справедливо считая, что, достигнув впоследствии поста директора Пулковской обсерватории и открыв несколько астероидов, я сразу займу одно из первых мест в мировой беллетристике.

Но в моих планах оказалась какой-то просчет. Окончив университетский курс, поступил я в обсерваторию, выверял уровни, работал с микрометрическими винтами приборов, сверял хронометры-тринадцатибойщики, а беллетристика моя не двинулась, особенно в области юмора и сатиры. И вот, однажды, читая Чехова, я неожиданно сообразил, в чем дело: чтобы быть юмористом, нужно заниматься вовсе не астрономией, а медициной, судя по карьере Чехова. Ничто так не развивает юмористического отношения к людям, как анатомический театр, фармакология, диагностика и терапия.

Я немедленно бросил астрономию, поступил снова в университет, но, чтобы не вполне подражать Чехову, выбрал себе специальностью философию и остался при университете, лелея мысль, что теперь то как следует продвинусь на верхи литературы, напишу что-нибудь крупное, вроде «Войны и мира», или не напишу ничего крупного, но все-таки сделаюсь академиком.

Прошло некоторое время... Моя «Война и мир» не появлялась. Вместо этого события, Россия всколыхнулась гражданской войной, советским миром... И я побежал, куда все.

Только за границей, подводя итоги крушению своих честолюбивых замыслов, я сообразил, наконец, почему не заменил собою Толстого

и даже не попал в академики. Я, оказывается, переучился на двух факультетах. Ведь Толстой не окончил университета, а я кончил. Бунин не окончил гимназии, а я кончил. Нужно было принимать какие-то спешные меры, чтобы забыть лишнее... И я стал усиленно писать в газетах и заниматься политикой, ибо ничто так хорошо не очищает голову от серьезных сведений, как политическая деятельность.

Что же сказать в заключение? Мечты своей написать «Войну и мир» я, конечно, не оставил. Что выйдет, не знаю. Но до сих пор, стремясь к вершинам искусства, стараюсь я применять испытанные обходные пути. Во флот мне, правда, поступать поздно; идти в профессора химии и зоологии, или изучать фортификацию — тоже. Зато сколько других боковых лазеек за последнее время прощупал я. Крестословицы составлял, башмаки из рафии шил, плюшевые игрушки делал, курятники на фермах чистил, огороды разводил, ночным сторожем был, шить на швейной машинке научился...

Что же? Неужели же я никогда не попаду в точку? Обидно! И вот единственным утешением в таком случае останется мне Державин. Как известно, старик Державин, заметив всех нас, кому не везёт, с утешением сказал: «Река времен в своем движении уносит все дела людей и топчет в пропасти забвенья народы, царства и царей. А если, — успокоительно продолжает старик, — если что и остается от звуков лиры и трубы, то вечности жерлом пожрется и общей не уйдет судьбы».

Ну, а тогда все равно. Помнят ли тебя после смерти сорок дней, сорок лет, четыреста, или четыре тысячи. Люди вообще народ забывчивый. Особенно — читатели. Преданный Вам А. Ренников. P. S. Когда будете печатать эту мою «Исповедь» («Confessions»), сообщите публике, что я не хотел обнародовать изложенных в ней интимных мыслей, но что между нами по этому поводу произошёл жестокий спор, и Вы победили. Это обычно вызывает усиленный интерес к написанному.»

В последние годы Ренникову пришлось многое пережить: смерть жены, потом сестры и племянницы. Пристанищем для него тогда стал дом русских инвалидов в Ницце, где он жил очень скромно, работая вплоть до кончины. В эти годы были написаны пьесы «Перелётные птицы» и «Бурелом», с успехом шедшие в эмигрантских театрах по всему миру, опубликованы книги «Минувшие дни» (1954) и «Моторизованная культура» (1956), а также подготовлен «Дневник будущего человека», оставшийся неопубликованным.

Умер писатель 23 ноября 1957 года в госпитале «Пастер», после продолжительной болезни, так и не дождавшись предписанной ему операции, и был похоронен на местном кладбище «Кокад». В настоящий сборник вошли избранные «маленькие фельетоны», рассказы и очерки Андрея Митрофановича Ренникова, посвященные повседневной жизни русской эмиграции в различных странах в 20-50-х годах XX века.

Волею Божией 13 ноября 2018 года, на 92-ом году жизни, в Сан Франциско, США, скончалась верная дочь Исторической России

АЛЛА ВАЛЕНТИНОВНА ГРАДОВА

о чём со скорбью сообщает подруга по 1-ой Русско-Сербской Гимназии в Белграде Т. И. Назаренко-Беляева

А. Ренников

Софийские ночи

Каждую ночь, поздно, когда смолкает в городе шум, когда площадь Царя-Освободителя перестают пересекать тени прохожих, возле памятника становится на часы неизвестный русский солдат.

Неслышным шагом мерно ходит он вокруг холодного камня. Укутанный в плащ от шипкинской вьюги, надвинув на голову отяжелевший от снега башлык, без глаз зорко следит он, без слуха внимает далеким шорохам. В первых рассветных лучах наклоняет голову Царь.

— Благодарю тебя, брат. И стучит о кости ружье, слышен голос без звука:

— Я с тобой, Император!

Из века и век блуждает в мире Иуда. Не принятый раем, изгнанный адом, совершает путь, топчет ногами души народов, от звона серебра к звону золота направляет свой слух, веселит себя на пирах, гнёт после этого тяжестью тела своего дрожащие ветви. И взор его ищет на земле тёмные ночи. И находит. И с рассветом тухнет в умирающем теле...

Первый раз он был здесь ненадолго. Быстро прошла короткая ночь... Но успел Иуда оквернить смехом камень Царя.

— Я поцеловал твоего сына, — сказал радостно он, взлетая над памятником. Посмотри: сын твой поцелуй принял. И Баттенберг теперь вместе со мной.

— Император, я убью его, — поднял ружье стоявший на часах неизвестный солдат.

— Оставь, — двинул металлом руки Император. — Он повесится сам. Смотри: скоро рассвет... Слышишь, поют петухи... Деревья моего бульвара уже протягивают ветви. Видишь, мой сын? Уже кончилось всё. Он висит, бездыханный, в лучах первой зари.

Второй раз было много ночей. Долгих ночей. Чуть смолкало на площади, садился Иуда на соседнее дерево. Страшными впадинами бескровного черепа слушал неизвестный солдат речи предателя.

— Уходи с пьедестала! — говорил со смехом Иуда. — Или российская лень здесь держит тебя? Или нет у тебя глаз, вместо которых вставили мы два гипсовых камня и подписали внизу: «благодарна Блгария»? Посмотри: вот идут по бульвару полки за полками. Неизвестный солдат! Освобождай теперь нас! Слышишь крики оттуда? «Смерть России!». Солдат! Куда попал тебе янычарский кинжал? Ран я не вижу, болгарская земля их залечила,

как видно. Но бьюсь об заклад: наверно ранен ты в голову. Что же, Царь? Ты молчишь? Поцеловать, разве, тебя? А смотри, наши полки не кончаются. Нет. Реют флаги, знамёна. Вот, идет артиллерия... Узнаешь наши пушки? А красавцы какие... Молодец к молодцу! Трудно будет теперь мертвецам окружать с тыла их. Что же, Царь? Опускайся! Влез напрасно сюда ты... Посмотри, как красив буду я на твоём старом месте. А внизу будет, кстати, и прекрасная надпись: «благодарна Блгария».

— Ты не можешь убить Иуду ружьем, — остановил Император руку солдата. — Подожди до рассвета. Деревьев здесь много. Он повесится сам, как только кончится ночь. Видишь? Смех его стих. Речь бессвязна, глаза исполнены страхом. Подожди, удержишься... Не уходи с таким чувством обратно в могилу. Посмотри: он висит уже, видишь, дрожит проклятое тело. А там, по бульвару, идут новые толпы. Оборванные, нищие, бежавшие с родины... Узнаешь наших детей? Стариков, братьев, сестер? Ты не плачьешь уже верный брат мой?

— Нет. Я с тобой, Император!

Ночь настала опять. Продолжается ночь. Снова в жуткой тишине терзает на площади незыблемую память Царя вечный предатель, жадно бегущий от звона серебра к звенящему золоту. Дрожь проходит по железу и камню. От смеха Иуды качается почва под памятником. Объят ужасом неизвестный солдат, укутанный в плащ от шипкинской вьюги, надвинувший на голову отяжелевший от снега башлык. Без глаз презреньем горит взор, без крови воспаляется истлевшее сердце. И челюсть стучит, ропща на бесполезную гибель. На плечо мертвецу опустил Император тяжелую руку. И слышит слова его неизвестный солдат:

— Не ропщи. День придёт... Иуда отыщет на дереве свое привычное место. Ты же знай: не для десятка годов, не для одного только века отошёл ты в вечную жизнь. Иуда целует и виснет, идёт в мире чередой у него за поцелуем — петля. Ты же, мой сын, смертью создал не только счастье тех, которые жалки и, быть может, презренны. В твоей смерти — счастье всех на земле: святой подвиг погибших возвышает их над скотами и гадами. Не ропщи. Иуда не страшен. Ведь тебя, в твоём подвиге, поцеловал и обнял своим учением Спаситель.

— Я не ропщу, Император...
(«Новое Время», Белград, 21 мая 1922, № 321, с. 1-2.)

БЮСТ ЦАРЮ ОСВОБОДИТЕЛЮ

Восьмого ноября 2018-го года в городе Гдове на территории местной крепости состоялось торжественное открытие и освящение бронзового бюста Императору Александру II - Царю Освободителю, отменившему крепостное право и освободившему болгарский народ от турецкого ига; Царю-Реформатору. Бюст, на высоком постаменте из красного гранита, расположен неподалеку от собора во имя Державной Божией Матери.

Автор бюста Петербургский ваятель Матфей Афанасьевич Чижов. Бюст был первоначально создан на пожертвования местных крестьян и открыт, при большом стечении народа, 11 февраля 1911 года.

Пришедшие к власти большевики скинули бюст с постаментов в 1919 году.

Слепок с аналогичного бюста был осуществлен в Русском Музее (СПб), а сама отливка была произведена в Северной Пальмире.

Восстановление бюста осуществилось благодаря стараниям: Александровского Исторического Общества (СПб); Общества Ревнителёв Памяти Императора Александра II (СПб); Елизаветинско-Сергиевского Просветительского общества (Москва); Российского Имперского Союза-Ордена (СПб); Фонда «Имперское Наследие» (Москва), а также на пожертвования россиян и зарубежных соотечественников (США, Германия, Венесуэла).

Ямбургское Воинское Братство приняло непосредственное участие в этом событии.

С. Г. Зирин (Ямбург)

НОВЫЕ ЦЕНЫ ПОДПИСКИ НА 2019 ГОД:

В Аргентине - 700 песо
В Европе - 60 евро.
В Австралии - 85 американских долларов.
В Канаде - 80 американских долларов.
В США и остальных странах - 75 долларов.